

Вытерев слёзы, он мгновенно вновь стал тем надменным и холодным аристократом, каким его знали:

— Хватит праздных разговоров, вернёмся к делу. Офицер Лу, судя по твоему виду... — он словно впервые оглядел Лу Чжэнмина с головы до ног и цыкнул, — пожар в квартале Дунпин не обошёлся без участия вас, императорской гвардии. Не торопись отпираться. На сей раз я промахнулся и угодил в ловушку, но даже если ты промолчишь, по возвращении я сдеру со столицы три шкуры, лишь бы вытащить и освежевать того, кто стоит за этим. Причастные не уйдут.

Произнося это, Хэ Сы был бесстрастен, но от него незримо веяло ледяным безразличием и смертоносным intent. Он занял пост наместника Восточной палаты, но руки его ещё не обагрены кровью, что, видимо, и дало некоторым горячим головам повод считать его мягкотелым и сговорчивым, раз за разом испытывая терпение на прочность.

Но они забыли: каждый наместник Восточной палаты прошёл путь асуры[1]. Те, кто был слишком «буддистскими», не успевали возвыситься в палате и гибли насильственной смертью.

Лу Чжэнмин привык к лицемерной маске Хэ Сы, поэтому, неожиданно увидев его в таком обличье, на миг опешил, а затем почувствовал смутное возбуждение.

Каждый раз, когда он видел новую, незнакомую грань этого молодого наместника, это было словно сдирание очередного слоя маски. И каждый раз это приносило Лу Чжэнмину и новизну, и тайное удовольствие.

«Вот ты какой, оказывается», — думал он.

Взглянув на Хэ Сы с его белыми, как бумага, губами, Лу Чжэнмин наклонился и стал неловко шарить по земле. Через некоторое время он нашёл два кремня размером с палец, принялся медленно высекать ими искры и, делая это, сказал:

— Теперь мне нечего скрывать от господина наместника. В ту ночь меня послали в квартал Дунпин убить нескольких так называемых «торговцев маслом». Прибыв на место, я обнаружил, что начальство меня подставило. Эти люди вовсе не были торговцами — они оказались искусными бойцами, шпионами из государства Цзинь, проникшими в столицу.

Хэ Сы слегка удивился:

— Цзиньцы?

Его поразило не только происхождение этих людей, но и то, что они сумели проскользнуть в столицу под самым носом у Восточной палаты!

Он принялся подсчитывать, в который раз информация оказалась ошибочной. Нет, решил он, по возвращении надо собрать высших чинов Восточной палаты и как следует проучить этих бездельников, жирующих на казённых харчах!

Лу Чжэнмин кивнул:

— Похоже, они под прикрытием торговли маслом затаились в квартале Дунпин, ожидая встречи с кем-то. Во время стычки мы опрокинули масляные бочки, что и вызвало пожар. Я сам едва не распрощался с жизнью, — он горько усмехнулся. — А вы, господин наместник, скорее всего, стали случайной жертвой, пострадав по нелепой случайности. Проникших

цзиньцев, должно быть, больше. Сегодняшнее нападение, возможно, — дело рук других шпионов, пришедших проверить обстановку. Или же они хотели устранить тех, с кем должна была состояться встреча. Вариантов много. — Лу Чжэнмин, наконец, высек несколько искр и поспешно поднёс их к недогоревшему клочку бумаги в золе.

Хэ Сы, погружённый в раздумья, скользнул взглядом по пепелищу и вдруг понял, что это была ритуальная бумага для подношений[2]! Чёрт знает, с какой могилы этот Лу стащил — не боится ли он, что покойный восстанет и потребует свои деньги обратно???

Едва эта мысль мелькнула в голове Хэ Сы, как в гробовой тишине за стенами покосившегося храма раздался глухой стук.

Тупой, тяжёлый звук — не шаги обычного человека, а скорее прыжки на двух сведённых вместе ногах!

Лицо Хэ Сы мгновенно переменилось, Лу Чжэнмин тоже выразил удивление.

На этом кладбище в кромешной тьме, где впереди — ни домов, позади — ни усадеб, в такой час могли появиться лишь лисы да собаки... или же мёртвецы.

Хэ Сы подумал, что накликал беду, но бояться, по правде говоря, было нечего. Он, Хэ Сы, с малых лет исколесил всю страну, скитался по рекам и озёрам, видел рвы, полные трупов, и взбирался на горы из тел. А после того как его усыновил приёмный отец, так и вовсе проводил дни в застенках Восточной палаты, наблюдая, что значит быть живым мертвецом в аду на земле.

Повидав множество покойников, уже не удивишься. Даже если явится прыгающий труп — невелика беда.

За очень короткое время Хэ Сы дал себе внутреннюю установку. Смотри-ка, даже Лу Чжэнмин, мелкий офицерик императорской гвардии, стоит невозмутимо, сердце его не колотится. Неужели он, полномостный наместник Восточной палаты, струсит?

Конечно же нет! Хотя внутренний барабанчик в груди Хэ Сы уже отбивал сумасшедшую дробь...

Прыжки, то ускоряясь, то замедляясь, замерли у входа в заброшенный храм. Огонёк, похожий на блуждающий огонёк, колебался между Хэ Сы и Лу Чжэнмином. Оба невольно замедлили дыхание и переглянулись. Лу Чжэнмин вытащил из-за голенища сапога небольшой нож, Хэ Сы же схватил палку, которой тот ранее ворошил костёр, и с видом знатока принял оборонительную стойку.

Положение было незавидным. Кем бы ни был пришелец — человеком или призраком, — с их-то плачевным состоянием, один — калека, другой — больной, справиться будет непросто.

Хэ Сы было досадно. Подумать только: он ещё не успел как следует прогрето кресло наместника Восточной палаты, не успел похитить ни девиц, ни юношей, не успел обобрать народ до нитки, и его ещё даже не проклинали с завистью и ненавистью как «проклятого евнуха». А теперь, в конце концов, придётся вместе с заклятым врагом, каким-то мелким гвардейцем, жить или умирать бок о бок. Мало того, есть риск, что на пути в жёлтые источники[3] придётся идти с ним за руку. Просто ни в какие ворота не лезет!

Интересно, увидев двух отъявленных негодяев, Повелитель Подземного мира[4] в гневе не

отправит ли их напрямик в мир животных? Что ж, значит, в следующей жизни им снова придётся ютиться в одном свинарнике.

Хэ Сы внезапно охватила осенняя меланхолия, горечь несправедливости жизни. Не хочу, не хочу~~~

Стук замер у двери. В храме и за его стенами воцарилась мёртвая тишина. Ночной холодный туман стелился по разбитому каменному полу, заползая внутрь. И вдруг дверь постучали дважды — размеренно.

Каждый удар был ясным и звонким, будто погребальный колокол в полночный час, леденящим душу.

Хэ Сы сжал губы, лишь чуть сильнее сжав в руке палку.

Лу Чжэнмин бросил на него успокаивающий взгляд, затем, поигрывая в пальцах тем ножиком с ладонь величиной, негромко спросил в сторону двери:

— Кто пришёл?

Снаружи мгновенно воцарилась тишина, словно стук был лишь игрой воображения.

Лу Чжэнмин, не переставая вертеть нож, устремил на дверь орлиный, острый взгляд и слегка повысил голос:

— Кто пришёл?!

В его голосе сквозила лёгкая кровожадность, отчего Хэ Сы невольно взглянул на него. Ему почудилось, будто в этом тощем теле таится нечто крайне опасное, что сейчас, прорвав эту хилое обличье, обнажает остриё.

За дверью наконец послышался шорох, и усталый старческий голос медленно произнёс:

— Прохожий. Ночь глубока, роса тяжела. Не позволите ли старцу переночевать?

Судя по голосу, старик.

Лу Чжэнмин взглянул на Хэ Сы, тот слегка нахмурился и едва заметно покачал головой.

Лу Чжэнмин спросил тогда:

— Сколько вас?

Старик заговорил подобострастно:

— Всего один я. Ремесленник, странствующий в поисках заработка. Возвращался с рынка домой, да по пути дождь застал, задержался. В такую погоду, если ночь на улице простоять, завтра и подняться-то будет трудно. Сжальтесь, молодой господин, не злодей я.

Его слова «не злодей я», разумеется, не вызвали у них доверия.

Хэ Сы, хоть и не силён был в боевых искусствах, слух имел отменный. Прислушавшись, он понял: с момента появления этих странных шагов и до сих пор вокруг храма действительно не было других звуков. Он накинул на плечи полувысохший верхний халат, лежавший у костра, и,

пошатываясь, поднялся на ноги. Сделал шаг — но Лу Чжэнмин преградил ему путь.

Лу Чжэнмин беззвучно пошевелил губами: «Как можно тревожить господина наместника?»

С этими словами он упёрся одной рукой в землю, словно лук, долго находившийся в натянутом состоянии, и одним прыжком вскочил на ноги.

Движение было настолько стремительным и ловким, что Хэ Сы остолбенел. Затем до него дошло: погодите, ведь ещё недавно тот еле волочил ноги, выглядел так, будто вот-вот испустит дух.

Неужели единственным раненым, больным и полумёртвым был он один???

Хэ Сы почувствовал, что его чувства обманули, и очень рассердился. Решил: если на этот раз удастся выжить, он непременно согласится на предложение этого Лу и заберёт его в Восточную палату — делать евнухом!

На сей раз он действительно ошибался насчёт Лу Чжэнмина.

Лу Чжэнмин и вправду был ранен. Рана выглядела устрашающе, от жара лицо его обезобразилось, но до полной неподвижности дело не дошло. Что до прежней походки вразвалку — она тоже не была притворной. Кто угодно, пролежав целый день в груди трупов, как вяленая рыба, окоченеет, и, когда встанет, движения будут скованными и неловкими.

<http://bllate.org/book/16284/1467045>